

Валерий ХАТЮШИН

**НАПРЯЖЕНА
ДУШЕВНАЯ
СТРУНА...**

Любовная лирика

Москва
Журнал «Молодая гвардия».
2018

Новую книгу широко известного современного поэта Валерия Хатюшина составили стихи о любви, написанные в течение полувека его творческой деятельности — с 1968-го по 2018 год. Книга любовной лирики одного автора — это слишком редкое явление в наше время, если даже не единственное на нынешней поэтической ниве за последние десять—двадцать лет. Тем интереснее и тем заманчивее читателю будет проникнуть в глубину душевных волнений и сердечных переживаний одного из самых лиричных современных поэтов России.

Всё в нашей жизни и сама жизнь на нашей планете держатся на любви. И необычайно волнующая любовная лирика Валерия Хатюшина, собранная воедино, убеждает нас в этой непреложной истине.

Напряжена душевная струна... Любовная лирика.
М.: Журнал «Молодая гвардия». 2018. — 128 с.

* * *

О. В.

Разлуки лёд. Октябрь. Сухие листья
ложатся тихо в мокрые следы.
Я снова перечитываю письма,
что в год ушедший мне писала ты.

Всё то, что было, мне забыть непросто.
Как охладеешь к памятным местам,
где каждый тополь, каждая берёзка
до глубины души знакомы нам?

Когда тебе безмолвие ночное
навеет грусть в слезящемся окне,
то что-то очень близкое, родное
ещё не раз напомнит обо мне.

Ещё хранятся прежние приметы
и не сотрутся в памяти вовек.
Сияют наши летние рассветы,
белеет наш с тобой прощальный снег...

1968, Красноярский край, ракетный дивизион

* * *

Г. С.

Ты во мне поселилась, милая...
Как теперь без тебя прожить?
Я прошу: ну попробуй, смилуйся,
слово ласковое скажи.
Ты пугаешься: «Нет, не спрашивай.
Ах, зачем это всё, зачем?
Позабудутся дни вчерашние,
мы расстанемся насовсем...
Не бывает в разлуке верности.
А слова... Что тебе от них?..»
Я смотрю, и никак не верится,
чтоб вот так мне любить других.
Я смотрю, и ничуть не жалко мне
для тебя самых сладких слов.
Ну хотя бы возьми, пожалуйста,
ты на память мою любовь...

1969, Красноярский край

* * *

Мне на голову звёзды падают;
для чего — я не знаю сам...
Я бреду — и ничуть не радуется
эта ночь, что светила нам.
И взираю на всё печально я,
и развеять печаль невмочь.
Всё последнее, всё прощальное:
эти звезды и эта ночь.
Этот снег, голубыми бликами
леденящий тепло очей,
и вот эта дорога длинная,
что меня выводила к ней...
Всё прощальное, всё последнее:
и сибирская эта луна,
и равнина ночная, бледная,
и тайга, что как тьма черна.
И ее поцелуи влажные,
и мои — столько раз подряд,
и последнее рук пожатие,
и последний прощальный взгляд.
Написать ей, наверно, надо бы,
охладев ко вчерашним дням...
А на голову звезды падают...
Отчего — я не знаю сам.

1969, Красноярский край

НАША ВСТРЕЧА

Как грустно нам былое вспоминать,
хотя бы малость...
Когда вчера ты встретила меня,
то испугалась.
Мы шли навстречу,
взгляд, что как игла,
я выждал смело,
но ты в другую сторону пошла
и побледнела.
Ты, что еще жива в моей душе,
я — третий лишний.
И мы с тобой не виделись уже
три года с лишним.
Но этот страх и этот горький вид —
смешная плата.
Теперь уж ты меня не удивишь
тем, что заплачешь.
Но не хотел, пойми! Я не хотел
твоей улыбки.
Ценой измены выпавший удел —
не жизнь, а пытка.
В глазах моих ты не прочтешь укор,
мне слов не нужно.
Мы не чужие, просто мы с тех пор
друг другу чужды.

1970

БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

Я бесчувственный,
бесчувственный,
бесчувственный.
Мне слова твои и взгляды
ни к чему.
Я лишен, конечно, нежности и чуткости
к необузданному чувству твоему.
Да и сердце не обычное,
а каменное
бьется ровно и легко в моей груди.
Я способен,
не заметив взора пламенного,
поздороваться с тобою и пройти.
И совсем не человек,
а лишь подобие,
я — как робот бездушный и пустой...
Впрочем, хватит.
Ты ко мне излишне добрая.
Да вот я, еще узнаешь,
не святой.
Мне нисколько не жалко
чувств погубленных,
жаль твои — невинные — губить.
Ты не знаешь,
что такое быть разлюбленным,
ты не знаешь,
что такое разлюбить.
Лучше буду я бесчувственным
до крайности,

чтобы с чувственным желанием в борьбе
это сердце не обычное,
а каменное
из груди моей
не вырвалось
к тебе.

1970

НЕУВАЖЕНИЕ

О. В.

В тот светлый день,
когда я пел от радости,
когда все люди, лица так новы,
мы встретились.
Вы мне сказали: «Здравствуйте.
Ну как живете,
с кем живете вы?
Ах, да... простите,
вы служили в армии...
Ну что ж, с приездом
из сибирских стуж...»
Вы грустно улыбнулись,
сняли варежку.
Рука в руке...
Но вас окликнул муж.
И вы ушли.
Я вслед смотрел вам,
женщина,
судьбы своей
ни капли не кляня.
Вы в первый раз
так праведно, так жертвенно,
так просто уходили от меня.
...Вы были девочкой
отчаянной и ветреной,
я помню вашу челку на лету,
когда мы с вами
теплым зимним вечером
гоняли шайбу на дворовом льду.

И каждый день
ходили вместе в школу мы,
и ваш портфель
носил я, словно свой,
и парни мне
сорвать грозили голову,
и рисковал я этой головой.
Я помню всё хорошее,
но, видимо,
боитесь вы
той прежней простоты.
Я не прошу о многом,
лишь обидно мне,
что вот теперь
мы с вами не на «ты».
Но в первый раз,
поймите это, женщина,
как мы в друзьях остаться ни хотим,
друг другу платим мы
неуважением
за то, что «вы» друг другу говорим.

1970

* * *

Плывут, как письма, облака
к тебе во все концы земли,
никем не узнаны пока,
и растворяются вдали.

И я душой к тебе плыву,
не зная, где тебя найти,
как айсберги плывут к теплу,
плывут и тают на пути.

И я в мечтах о том тепле
ищу тебя по всей стране,
ищу тебя на всей земле,
ищу, а ты живешь во мне.

1970

* * *

Опять меня ты чем-то сладким потчуеть...
Но вижу я, что нужно мне уйти.
Тебе любви большой и чистой хочется,
и ты не знаешь, в ком ее найти.

Ты ждешь ее, тебе всё больше верится,
что жизнь проходит мимо, стороной.
И вот сегодня мне клянешься в верности,
забыв, что завтра будет здесь другой.

Но по своей ребяческой наивности,
ты не вольна свободной, строгой быть
и, словно в затянувшейся невинности,
ты всем себя готова раздарить.

Сидишь ты большеглазая, красивая
и смотришь так доверчиво, любя...
О как тебя мне жалко, несчастливая,
как больно за красивую тебя!

1970

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Без мужа, без детей, немолодая...
Я к ней зашел в ее сутулый дом.
Она встречала сонная, босая,
зардевшись полным розовым лицом.

Прийти с цветами к женщине — привычно.
И от нее никак не ждал я слёз.
Я не вино принес ей, как обычно,
я ей гвоздики красные принёс.

Она стояла, глаз не поднимая,
как бы застыв от жгучей немоты...
И я молчал, еще не понимая,
что в первый раз дарили ей цветы.

Она лицо в гвоздики опустила,
украдкой шёлк поправив на груди,
меня простила или осудила —
сказала просто: «Лучше уходи...»

И виновато, грустно мы простились,
я ей в ответ ни слова не сказал,
но помню я: как будто осветились
ее доселе мутные глаза.

Ей знать не надо этого обмана:
цветы как деньги были — заодно.
И я достал бутылку из кармана,
чтоб вылить в землю красное вино.

1970

Я ВИДЕЛ СОН

Я видел сон...
И пусть цветные сны
смешны,
но несмотря на это,
мне памятни
глаза стального цвета
под сводом голубых ресниц.
Я помню блески
в черных волосах
и стан ее
податливый и шаткий...
И белый пух
с ее лохматой шапки,
как снег на крышах,
таял на губах...

Красивый сон...
Как скоро он потух.
Я навсегда
душою в нем остался.
И не могу понять,
откуда взялся
на пиджаке
душистый белый пух...

1971

КИНОТЕАТРЫ

Не думал я,
что в эти дни весенние,
когда весь мир цветением залит,
кинотеатры
станут как спасение
от одиночества, от грусти, от обид.
Я на экран смотрю
и в нервной слабости
всей прежней твердой выдержке
взамен
я чувствую,
что я могу расплакаться,
где плачут над игрой Софи Лорен.
Здесь расщепляют души,
словно атомы,
и здесь бушуют страсти
всех времен...
Киноактеры —
те же гладиаторы,
а я —
их крови жаждущий Нерон.
Одну и ту же киноленту старую
как будто я смотрю
день изо дня...
И сам живу я, точно по сценарию,
придуманному кем-то для меня...

1971

АВГУСТ

Раскаянье и разочарованье,
а не печаль дождей и увяданья
теперь виной угрюмству моему.
Я в комнате твоей как будто лишний,
обрывки чувств, как под ногами листья,
уже для нас обоих ни к чему.

Мы говорим о разном, отвлеченном,
но только не о главном, обреченном
раз навсегда уйти в небытие.
Молчим о прошлом и как будто рады,
что до сих пор еще не слышим правды
и что нам вместе быть лишь без неё.

А правда здесь не в августовских ливнях,
не даже в этих, под ногами, листьях,
в которых есть частица красоты, —
она в твоих бессмысленных обидах,
она в моих желаниях убитых,
в прохладе чувств, лишенных простоты.

Но что же делать в пору увяданья?
Когда уже не ищем оправданья
упрекам и холодности своей.
Когда мы сами призрачно чужие,
когда деревья в парке чуть живые
и шум листвы все тише, все слабей...

1971

* * *

Л. Т.

Я хотел позабыть
наши дни,
не писать, не встречаться,
хлопнув дверью, уйти
навсегда,
ни о чём не скорбя.
И расстались мы вдруг..
(Мне ведь очень хотелось расстаться!)
Что же стало со мной?
Почему не могу без тебя?

Вот я снова один
в этой комнате душной и тесной,
то сижу, то хожу,
половицами нервно скрипя.
Я раздавлен тоской,
я измотан, измучен, истерзан,
как в предсмертном бреду,
я кричу: не могу без тебя!

Все упрёки снесу
и холодности я не замечу,
грусть сожгу, изживу,
все насмешки я молча стерплю.
Только дай мне одну
даже пусть невозможную встречу!
Я не знал до сих пор,
что так страшно,
так больно люблю.

1971

В ДОРОГЕ

Поезда мои, поезда,
уносите меня от дома,
будет Родина мне знакома,
поезда мои, поезда.

Тучи серые, стук колёс,
неразгаданность ожиданья
пробудили во мне признание
тучи серые, стук колёс.

Признаюсь голубым глазам,
размечтавшимся под гитару,
что седины — еще не старость,
признаюсь голубым глазам.

Уезжаю на край земли,
незнакомку зову туда же,
подобревшие пальцы глажу,
уезжая на край земли.

Так заманчивы и новы
наши будущие тревоги
и попутчицы, и дороги
так заманчивы и новы...

1971

ВОСПОМИНАНИЯ

Л. Третьяковой

Ты помнишь теплый дождь,
тот нежный и безмолвный,
загадочный, как сон,
как первое свиданье,
свой белый самолет
и ветреное солнце,
оставленное мне
тобою на прощанье.

Ты помнишь зимний сквер,
торжественно застывший
в предчувствии тепла,
в тревоге ожидания...
И небо облаков,
в последний раз сокрывших
тебя, как и любовь,
ушедшую в преданье.

Ты помнишь ночь огней
томительных и грустных,
как свет в твоих глазах
холодный и печальный...
Я тоже вспомнил всё
теперь, когда так пусто:
ни горестной любви,
ни радости случайной...

1971

* * *

Ночь тяжела обидами.
Горечь — как в сердце нож.
Где ты, моя любимая?
Как ты теперь живешь?

Звёздные тучи по небу —
тени моих потерь.
Помнишь ли ты хоть что-нибудь?
Кто я тебе теперь?

Снова ночами чуткими
в окна твои дышу;
вновь ты не спишь, ты чувствуешь:
я на тебя гляжу.

Катится голос времени.
Видишь, как ночь светла...
Память безликим демоном
в душу твою вошла.

Нет, не ушло в предание
небо добра и зла:
слышишь мое дыхание,
видишь мои глаза...

1971

ВСЁ РАВНО

С годами, быть может, взгрустну о том,
как вновь я остался лишним,
как серая ночь стала чёрным днем
и я стал последним нищим...

Былое, как тени в слепом окне,
в сознании застывает.
Любовь!
Откуда она во мне?!
Убийственная такая.

Не брошусь в петлю, не уйду в вино.
Я лучшего не достоин.
Измена. Раскаянье. Все равно.
Я как никогда спокоен.

1972

* * *

Словно забывшись во сне бесконечном,
белую, в белом обличье берёз,
не представляю тебя в подвенечном
с чёрною тяжестью траурных роз.

Не прикоснуться, не улыбнуться...
Как это вышло, что ты умерла?
Боже! Вот взять бы сейчас и проснуться...
Южная девушка, кем ты была?

Помнишь, как жарко в лицо мне дышала:
«Коль от меня, от южанки, уйдешь, —
губы кусая, так страстно шептала, —
смертью неведомой скоро умрешь...»

Или когда провожала под утро,
пальцы ломала, крича: «Не бросай!»
Сердце пронзала очей перламутром,
словно молила: не умирай...

...Вдруг обрывается сон на мгновенье:
губы не те и шептанье не то.
Вижу тебя, но в другом облаченье.
Черная девушка, слушай, ты кто?..

1972

БЛАГОДАРИЮ

Л. Т.

Уже я для тебя никто.
Уже другой с тобою рядом.
Благодарю тебя за то,
что ты была моей отрадой.
Уже забытый, может быть,
благодарю тебя безмерно
за то, что будешь вечно жить
в душе моей. Душа бессмертна.

1972

* * *

В любви несправедливой, несправедливой,
душой растерянной богат,
иду неверною дорогой
моих печалей и утрат.

И может, встречу я в награду
за эту тихую печаль
любви последнюю отраду,
как неизбежный мой причал...

1972

* * *

Напряжена душевная струна.
Ты подойдешь, обычная на вид,
промолвишь слово только — и она,
как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит.
И вновь уйдешь. Но память красоты
меня к той встрече станет возвращать.
Так блеск давно погаснувшей звезды
нам долго будет в душу проникать...

1973

НА СВАДЬБЕ

Ругает мать меня: «Напился...»
Ворча, посудой гремит.
Я отвечаю: «Друг женился».
«И слава богу», — говорит.

Давно ль в своем непостоянстве
Твердил я: «Ладно, потерплю...»
В окно врывается ветер странствий,
девчонка плакала: «Люблю...»

Меня по Северу мотало.
Я строил планы: вот вернусь...
«Прости меня», — она писала,
и лучший друг писал: «Женюсь».

Сжигались чьи-то обещанья,
гремели в сердце поезда,
мне свадьба виделась прощаньем
и с ним, и с нею навсегда.

Моя, до родинки чужая,
она смотрела на него,
желал я счастья ей, теряя
надежду счастья своего.

Я пил и морщился украдкой,
и сам себя не узнавал,
плясал я «русского» вприсядку,
хоть прежде вовсе не плясал.

Плясал, в азарт входя всё пуще.
Вопил расхристанно баян.
А за столом всё гуще, гуще
ее окутывал туман.

Туман казался дымкой фальши,
девчонкой — скорая жена.
Но тут заметил я: всё дальше
друг удалялся от меня.

И сразу вспомнилась дорога,
скользящий свет, таежный дым...
И я подумал: женщин много,
а друг — он, может быть, один.

И всё. И фальши нет нисколько.
Обиды стали ни к чему.
И, тяжело поднявшись, «Горько!» —
я сквозь туман кричал ему.

Взлетели вновь бокалы разом,
круша отчаянье мое,
и я увидел друга рядом,
ну а за ним уже — ее.

И как тут высказать, что́ горше?
И всё ли выскажешь в словах?..
В его глазах нашел я больше,
чем потерял в ее глазах.

1973

* * *

Мне суждено в порыве дерзком
легко пристанища менять,
а ей — с отчаянностью детской
искать и находить меня.
А мне по тундре на оленях
лететь к якутским пастухам,
в глухом почтовом отделенье
услышать вновь: «Ну как ты там?»
И где-то в северных пределах
дрожать от стужи вихревой,
но вдруг почувствовать всем телом:
она со мной, она со мной...
Потом в случайном просветленьи
с тайгой расстаться без труда,
упасть лицом в ее колени
и не уехать никуда.

1973

НАДРЫВ

Люблю красавицу пригубить,
стремленье выпить притая,
меня когда-нибудь погубит
шальная влюбчивость моя.

В кафе, в театре, в электричке
блеснет, как солнечная нить,
лицо! — и в сердце вспыхнет спичка,
терплю и должен потушить.

И вновь лицо! Взойдет и гордо
плывет с толпой куда-то прочь.
Огонь и крик, зажатый в горле,
опять я силюсь превозмочь.

Ну что ж, я буйство это скрою,
себя ни в чём я не предаю...
Но обливаясь жаркой кровью,
душа рыдает по ночам.

Скольжу, как пьяный над обрывом,
и вдруг срываюсь вниз, в порок.
Живу мгновеньем, вспышкой, взрывом
и после — гибну, одинок.

Прости мне, сердце, я безумен.
Надрыв души — всё это блажь.
Рассудок мой еще не умер,
но жизнь моя — уже мираж.

1973

* * *

Л. Ч.

...Я ждал какой-то необычности,
когда явился к ней домой,
но, не надеясь на отзывчивость,
она сказала: «Будь со мной».
От беззащитности? От страха ли
за счастье хрупкое свое?
А под столом смешно барахтались
два смуглых зернышка ее.
...Я приношу им что-то сладкое,
они так преданно глядят,
с моих колен «Будь нашим папкою» —
с надеждой робкой говорят.
А мама горько улыбается
от безответности в любви
и слезы удержать старается:
«Живи как хочешь, но живи...»
Еще придется мне раскаяться
в том, что мы страстью сведены,
что скоро чувство расплескается,
что мы случайно влюблены.
И всё равно в минуты грустные,
как муж заблудший, в этот дом
иду, заранее предчувствуя,
что жидает нас потом...

1973

* * *

Не жди меня. Я не вернусь.
Ну что жалеть о том?
Мне трудно будет. Ну и пусть.
Я не приду в твой дом.

Нам стало холодно вдвоем,
а на дворе весна...
Приду я в свой пустынный дом,
присяду у окна.

Склонюсь усталой головой
на краешек стола...
Я всё сжигаю за собой,
когда любовь прошла.

Тебя тоска не обойдёт.
Меня не будет, нет.
И плечи хрупкие сожмёт
вечерний жёлтый свет.

Глотая слёзы, упадёшь
в надорванную тишь.
Я знаю, ты меня поймёшь,
поймёшь, но не простишь.

Всё повторится. И опять,
былой уют храня,
другого будешь верно ждать,
как ждёшь сейчас меня.

Но вот: пока еще ничья.
Как ветка без ствола.
Спасибо, милая моя,
за то, что ты была.

1974

* * *

...Ты и она. Неверно и несмело
когда-то я просил ее души,
как твоего прошу сейчас я тела,
но обе вы сказали: не спеши.
Я не спешу, просить — смешное дело.
Ты смотришь так, как будто я твой бог.
А я, скорее, твой безумный демон,
хочу тебя запрятать в свой чертог.
Хочу, чтоб мы друг другом насладились.
К чему иначе мне твоя краса?
Но как в груди моей соединились
твоя походка и ее глаза?..

1974

* * *

Не пойму, что случилось.
Ты грустишь иль смеешься?
Ты вчера лишь божилась,
что вернёшься, вернёшься!

Слово клятвы не прочно.
И опять я тоскую.
На зачёркнутых строчках
милый профиль рисую.

Вот и снова мне грустно.
И опять — одиноко.
В доме пасмурно, тускло,
словно в доме без окон.

Голо, горестно, душно.
Только — голос незримый.
И на смятой подушке —
светлый волос любимой...

1975

* * *

Вход со двора. В полуподвале,
где свет чуть теплился в окне,
меня, конечно же, не ждали,
но всё же были рады мне.
Здесь в полумраке на кровати
сидела девушка... Она
сидела тихо в чёрном платье,
печальна и напряжена.
Здесь так наивно-неуместен
был мой наигранный поклон.
И вдруг: «Присядь. Побудем вместе.
Я из деревни. С похорон».
И я притих под кротким взглядом,
молчать готовый хоть всю ночь.
И что помочь ей очень надо,
я понимал. Но чем помочь?
И так безмолвно мы сидели...
А за окном, вовсю крича,
гремел транзистор, люди пели,
трамваи мчались, грохоча!
Платок на лоб ей полз упрямо,
она дышала горячо
и всё шептала: «Мама, мама...»,
уткнув лицо в мое плечо...

1975

ОЖИДАНИЕ

Тоска, отчаянье, надежда...
Февраль. Ненастье. Гололёд.
Ты не торопишься, конечно,
ты знаешь: любит — подождёт.

С тобой мне дорого свиданье.
Ты не спеши, я не уйду.
Я счастлив даже тем сознаньем,
что нынче снова встречи жду...

И ожиданье — не рассердит.
Теперь я всё могу простить.
Что делать мне с нелепым сердцем?
Оно не может не любить.

1975

* * *

Милая моя девочка,
добротой ко мне смилуйся.
Что же ты со мной делаешь,
девочка моя милая!..

Первой не придёшь — гордая,
сильная моя, смелая,
горе ты мое горькое,
что же ты со мной сделала!..

Знающим тебя ведомо,
будто кровь твоя стылая.
Не поверю я этому,
девочка моя милая.

Чёрным ты зовешь белое,
ангел превращен в демона.
Из тебя, дай срок, сделаю
то, что ты со мной сделала...

1975

* * *

Забыв вчерашнюю вражду
и что надежды — ложь,
тебя на месте прежнем жду
и знаю — не придёшь.
Стою, рассудку вопреки,
насмешкам вопреки,
коснуться б только мне руки,
одной твоей руки!
Ничем тебя не омрачить,
оставить боль себе...
Меня ты хочешь проучить,
чтоб цену знал тебе.
Но я, стерпя характер твой,
дождусь такого дня,
когда с надеждой и тоской
ждать будешь ты меня.

1975

РАСПЛАТА

Л. Н.

Настал сей миг — и мы теперь чужие.
Я вновь стерплю, не плача, не виня...
И эта боль, как многие другие,
рассеется на сердце у меня.

Ты, уходя, не прятала улыбки,
но голос мой тебе навечно дан,
твоя душа страшней не сыщет пытки,
когда придет расплата за обман.

Твоя весёлость в слезы обратится
и будет жутко, пусто и темно,
когда немая память, словно птица,
прошелестит крылом в твоё окно.

Однажды ночью глухо скрипнут двери,
сон до утра отнимут и покой...
Во тьме блеснут глаза... Ты мне не веришь?
Закрой глаза — они перед тобой...

1975

ЕДИНСТВО

Отцовское чувство безмолвно
и этим весомо вдвойне.
Смотрю на рожденного, словно
он бился под сердцем во мне.

Отцу быть мужчиной непросто:
слезинку тревоги сотри,
надёжно храни и бесслёзно
минутную слабость
внутри.

Внутри —
и восторг, и печали.
Не ведать печали грешно.
Два сердца тоскующих ждали
мгновенья, чтоб слиться в одно —

в живое, как праздник, единство,
в серьёзное наше житье.
...Из боли ее материнства
исходит отцовство мое.

Утихнет любая обида:
любимому сладко простить,
лишь только была б не убита
в ней высшая слабость — любить.

Тянулись мы к этой неволе,
скрывая упреки свои,

и стали вчерашние боли
сегодня опорой семьи.

Но словно в «Мадонне сикстинской»,
по-прежнему тайну хранят
загадочный взгляд материнский,
младенца всезнающий взгляд...

1975

ПУСТАЯ КОМНАТА

Моя пустая комната,
мой сумрачный покой,
железная кровать,
простые занавески...
Как часто в поздний час
наедине с собой
я вздрагиваю вдруг,
услышав голос женский.
Неведомый, чужой
за тонкою стеной...

Моя пустая комната
застыла без тепла,
она всегда грустна
в своей немой обиде...
Хочу я в этот миг,
чтоб женщина вошла,
о, как мои глаза
хотят ее увидеть!

Она войдет и вдруг
прошепчет, посмотрев
на этот жалкий вид:
«Да как же я решилась?..»
И пусть она уйдет,
глаза мои согрев,
и улыбнется мне:
«Простите, я ошиблась...»

1975

* * *

Как грустно мне, когда луна
к окну пристынет ненароком,
когда у тёмного окна
стою в молчанье одиноком.

Когда уснувшие дома
передо мной — как изваянья.
В ночи, где властвует зима,
ни улиц нет, ни их названья.

Ко мне дороги замело...
Зиме печаль мою прощаю.
Я сквозь морозное стекло
ее дыханье ощущаю.

Зима, опять из-за стекла
на твой покой смотрю с тоскою,
хотя бы ты ко мне вошла,
окно я с радостью открою.

Пальто с гвоздя я не сниму,
пускай с тобой заледенею,
мне в этих стенах одному,
поверь, гораздо холоднее...

1976

* * *

Солгать в глаза — не стоит ни гроша.
Скользить мы начинаем слишком рано
по правде, как по лезвию ножа,
над пропастью сладчайшего обмана.

Она и он. Предатели. Враги.
Не выйти из предательского круга.
Их тянут камни — вечные долги,
пока не смогут обмануть друг друга.

Так что ж ты плачешь,
фальшью слёз дразня,
когда в одном дыхании мы слиты?..
Я обманул другую,
ты — меня.

Так вот:

с долгами кончено.

Мы квиты.

1976

СОН

Прошел наш сон. Как рано он угас.
Как будто он и не касался нас.
Проплыл, как будто рядом, стороной,
лишь зимний холод был ему виной.

Нас усыпило сладкое вино.
На краткий миг согрело нас оно.
В безмолвном жутком холоде зимы
какой-то миг, но всё ж любили мы.

Один, прекрасный миг небытия.
Но ты шепнуть успела: я твоя...
И губ моих привычною рукой
коснулась — и была уже другой.

Уже была чужда и холодна.
Очнулся я в ознобе ото сна.
Во рту горчит. Ну что ж, я пил вино.
Пройдет ли эта горечь — всё равно.

1976

МОЯ ЛЮБОВЬ

По ней одной всю жизнь тоскую,
среди женщин всех ее одну
не обниму, не поцелую,
не оттолкну, не обману.

Меня укор ее минует,
весь этот бред пустых обид...
Она к другим не приревнует,
в неправоте не обвинит.

Лишь ей плачу я откровеньем,
она, единственно слаба,
ко мне руки прикосновеньем
легко смахнет печаль со лба.

Когда, случилось, был я нежен,
со мной была в тот час она,
но если в чём-то был я грешен,
здесь не ее — моя вина.

Ко мне волшебный дух нисходит,
всю ночь в окне звезда горит,
когда она меня находит,
когда со мной заговорит...

Как будто вечности сиянье
сойдет в ночной голубизне,
как будто голос мирозданья
судьбу нашёптывает мне.

Пусть я умчусь в любую область,
но приплывет издалека
прекрасный, чистый, женский образ,
моя любовь, моя тоска.

Я ей до святости послушен,
хоть стынет горечь на устах...
Когда она глядит мне в душу,
я вижу боль в ее глазах.

Я за неё на этом свете,
уже наученный добру,
всем существом своим в ответе,
она умрет —
и я умру.

1977

* * *

...Не погубить себя во зле,
и не убить, и не украсть,
пройти свободно по земле —
и чтоб ни разу не упасть.

Чтоб, не споткнувшись, пронести
такое чудо, как любовь,
когда на всём твоём пути
цветы и кровь, цветы и кровь...

1978

* * *

Мальчишка, ты бросишь свой обруч гонять,
лишишься ты и сна и покоя,
когда вдруг однажды захочешь понять:
любовь — это что же такое?
Спроси ты у ветра в зеленой листве,
у яблони в розовом цвете,
спроси у росы на холодной траве,
а больше никто не ответит.

Ты детские игры забросил давно.
А годы проносятся мимо...
Когда ж это чудо свершиться должно,
что станешь ты тоже любимым?
Спроси у рябины, спроси у воды,
что в речке блестит на рассвете,
спроси ты у первой вечерней звезды,
а больше никто не ответит...

1978

* * *

Была любовь, как сон случайна,
не обмануть ей сердца впредь,
ведь полюбить — проникнуть в тайну,
а разлюбить — что умереть.

Любовь любых чудес превыше,
она тогда лишь глубока,
когда, познав ее, услышишь,
как сердце бьется у цветка...

1978

ХОЛОД

Ранним утром на грани рассвета,
сновидений прервав череду,
я проснулся от яркого света —
за окном зажигали звезду.

В лунном камне забытой сережки
отражалась тревожно она...
На подушке — засохшие крошки
и багровые капли вина.

Словно чувствуя пагубность риска
задержаться в нашествии дня,
ночь уходит легко, как метиска,
что под утро ушла от меня.

Вижу небо, но взгляд мой расколот,
помню губы, а дальше — провал.
Вот и всё, что осталось, да холод
этой комнаты стены сковал.

Как не хочется думать о стуже!
Хоть бы время текло поскорей!
В окна ветер сквозит. Почему же
я не рядом с любимой моей?..

1979

* * *

Красавица, признайся, ты откуда?
Зачем среди этой нервной суеты,
похожа на видение, на чудо,
моим глазам, скажи, предстала ты?

Благодарю волшебную природу
за высший дар творенья своего.
Я на тебя смотрю, как на Джоконду,
и мне не надо больше ничего.

1979

НОЧЬ

Она шептала мне о вечном,
я пил любовь с ее лица,
блуждали мы по тропам Млечным,
которым не было конца.
Она глаза мне прикрывала
ладонью мягкой, словно пух,
и начинала вновь сначала
шептаньем мой лелеять слух:
«Я темнотой тебя укрою,
усни, доверься только мне,
мы повенчаемся с тобою
в воздушном храме, при луне.
Мы повенчаемся с тобою,
а мир — не думай про него,
никто тебе не даст покоя,
ты не полюбишь никого...»
Летели мы во тьме кромешной,
казался мир чужим уже,
и было тихо и безгрешно,
и так спокойно на душе...

1979

ОБЪЯТИЕ

Навсегда мы обнимем друг друга,
всех глазеющих к чёрту пошлем,
и любая житейская вьюга
нипочём, если только вдвоем
мы друг к другу прижмёмся теснее;
я покрепче тебя обниму,
в этом мире гораздо важнее
не остаться в толпе одному.
Полетят в нас камня-проклятья,
ты глаза, дорогая, закрой.
И чем кончится наше объятие —
не узнает никто под луной.

1980

* * *

Я никого так долго не лелеял,
свое желанье выплеснув до дна...
И для себя напрасный слух рассеял
о том, что ты безмерно холодна.
Да, тайну эту я познал воочью:
ты тот цветок, таящий благодать,
который распускается лишь ночью,
а утром закрывается опять...

1980

РОМАНС

Еще струна натянута до боли...

А.Передреев

Гитара, ты одна меня спасаешь,
ввергая дух в обманчивый покой,
когда уже не чувствуешь, не знаешь,
не видишь связи с миром никакой.

Сидишь, один аккорд перебирая,
и пальцы вдруг нечаянно замрут,
и чья-то жизнь безумно молодая
взойдет в глазах на несколько минут.

И снова вздрогнут струны на мгновенье,
усталый взгляд слезою ослепя,
всплывет в душе, как песня, как виденье,
всё, что прошло когда-то сквозь тебя.

Ведь был же ты веселым и любимым
и сам до жгучей нежности любил,
была звезда в пути неодолимом
и миг, в котором ты счастливым был.

И зазвучит под струнами тугими
такая грусть в бездонной тишине,
что ощутишь ты пальцами своими
живую боль в натянутой струне...

1980

* * *

Мы тонем в глазах друг у друга
и пальцы разжать не хотим,
нас гонит житейская выюга,
и мы, как снежинки, летим.

Любимая, это не вечно —
в глаза, словно в небо, глядеть.
Хотел бы и сам я беспечно
над миром лететь и лететь.

Но сказка недолго продлится,
недолго нас ветру нести...
И нам суждено приземлиться.
Что делать, родная, прости.

1980

* * *

Я песня —

ты не слушаешь ее.

Я ветер —

но волос твоих не трону.

Ищу тебя, летаю над землей
и лишь дерев раскачиваю крону.

Я солнце —

ты не чувствуешь тепла.

Звезда —

которой ты не бросишь взгляда.

Когда ты спишь, то ночь твоя светла,
и в жаркий день спешит к тебе прохлада.

Я вся любовь —

не ищешь ты любви.

Родник —

ты не прильнешь к нему губами.

Чем стать еще? Ты только назови,
но не смотри холодными глазами.

1981

* * *

Меня любить — несносно, право.
Летите дальше, стрекоза.
Для вас любовь — одна забава.
Вы посмотрите мне в глаза...

И вы поймете — не похоже,
чтоб я откликнулся на зов.
Мне одиночество дороже
всех ваших ласк и ваших слов.

И легкомысленности этой
я с легким сердцем не приму,
игры беспечной, безответной
уже, как прежде, не пойму.

И что корить меня за твердость?
Ни мой упрек, ни мой отказ
пусть не унижат вашу гордость.
Я слишком холоден для вас.

И ни нарочно, ни случайно
нам жизнь единства не дала.
Моя любовь — она печальна,
а ваша слишком весела.

1981

* * *

Нельзя ни с болью, ни с тоскою
раздуть потухшего огня.
Я от судьбы хочу покоя.
Твоя любовь не для меня.

Нельзя влюбляться без предела.
Понять мне было тяжело,
что сердце это отгорело,
что чувство это отжило.

Нельзя любить и быть правдивым.
Не помышляй меня спасти.
Я часто был несправедливым,
но ты меня за всё прости.

Нельзя вдохнуть любовь мольбою,
живи сомнением одним.
Зачем она над головою
светиться будет, словно нимб?

Она останется не с нами,
не отживёт, не отгорит
и белоснежными крылами
не раз во сне прошелестит...

1981

* * *

Не ведаю — что было. Приснилось — не иначе.
Она мне предложила остаться с ней на даче.

Она меня глазами зелёными сверлила.
Без лишних объяснений в саду мне постелила.

Я помню шелест платья, потом — горячий лепет
и дрожь ее, и ласку под яблоневый трепет.

И звёзды нарождались и где-то умирали...
А рядом на рояле восторженно играли.

И звуки те срывались, как вспугнутая стая,
сторая в лунном свете и в чёрном свете тая...

1981

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ

О. Лозовой

Здесь не надобно денег.
Просто пой и пляши!
Солнцем залитый берег,
и вокруг — ни души.
Так, от мира сокрытый,
обрели мы с тобой
берег, солнцем залитый,
и гудящий прибой.
Море камни лизало,
и на гальке цветной,
как русалка, лежала
ты под чёрной скалой.
И на солнце блестело,
словно рыба в сетях,
твоё гибкое тело
в белопенных волнах.
Ты под волны крутые
опускалась, дразня.
Но валы голубые
с ног сшибали меня,
с головой накрывали
всей своей высотой
и с размаху бросали
на песок золотой...
Очи — сини, как вереск,
губы — алы, как мак.
Солнцем залитый берег
и гора Кара-Даг!

Но блаженство не вечно.
Солнце село на мол.
И за нами под вечер
в бухту катер вошел.
И в курортном июле,
где на пляж не пройти,
снова жил я, как в улье,
тут за всё — заплати.
И с последним червонцем
покидал я, чудак,
берег, залитый солнцем
у горы Кара-Даг.

1982

* * *

О женщина! Сильны ее причуды.
Таинственна, как ночь, ясна, как день,
она подобна тени нашей всюду
и всё ж неуловима, словно тень.

Она в груди у нас раздует пламя
и после ждёт, чтоб этот жар угас...
Хотим уйти — она спешит за нами,
догнать хотим — она бежит от нас.

1982

РАЗРЫВ

Разлука — как роза, что жжёт тебе руки.
И больно и сладко от нашей разлуки.
И больно и сладко. И нечего ждать.
Нам некогда в спешке обиды считать.

Кто скажет, что мы не любили друг друга?
И всё ж в неизвестность бежим без испуга.
Без глупых упреков, без гордой вражды.
Жалеть о прошедшем не будет нужды.

Ну что же, простимся? — Не слышно ответа.
Лишь в пальцах твоих чуть дрожит сигарета.
Друзья не поверят, кого ни спроси...
Мы в разные стороны ловим такси.

И вот мы в машины разлучные сели.
Друг другу в глаза посмотреть не успели.
И в разные стороны мчатся авто.
Где выйти — покуда не знает никто...

1982

МГНОВЕНИЯ ЛЮБВИ

Мы весело сошлись
и без труда расстались.
Но разве этот год
сумеет позабыть?
Мгновения любви
еще в душе остались...
Бесмысленных обид
не станем ворошить.

И в шелесте листвы,
и в звёзд волшебном хоре
я звонкий голос твой
услышать буду рад.
Ты подарила мне
сверкающее море.
И гребни чёрных скал
тебя мне воскресят.

За всё, что для меня
на этом свете свято,
за искренность твоей
весёлой доброты
мгновения любви —
печальная расплата.
Мне выбор был один:
свобода или ты.

Мгновения любви
и проблески свободы

не смог я разделить,
не смог соединить.
Нам не связать за все
оставшиеся годы
вязанья твоего
оборванную нить...

1982

* * *

Странная примета —
этот хитрый взгляд.
Мы встречались где-то
жизнь тому назад.

Что ж ты не любезна?
Что глядишь совой?
И зияет бездна
меж тобой и мной.

А ведь что-то было,
помнится, у нас,
и луна светила
нам в окно не раз...

Если доверяешь
прошлому едва,
что ж ты повторяешь
прежние слова?

Прячешь в чёрной замше
бледность впалых щёк.
Может быть, всё там же
встретимся ещё...

1982

* * *

Невинна прелесть женских глаз,
а всё ж в такую пропасть манит..
И так легко нам сердце ранит,
защиты требуя от нас.

Мы любим женщин красоту,
но пусть простят меня за грубость —
нам суждено любить их глупость,
капризы, вздор, и пустоту.

1983

* * *

Ну что ж, ты меня оттолкнула,
надежда осталась пустой,
и гордо в лице проблеснуло
твоё любованье собой.

Живи. Я останусь поэтом,
красивых и нежных любя...
Ты, может быть, вспомнишь об этом,
когда я забуду тебя.

1983

ОТВЕТ

Тане

А ты сказала: «Будь мне другом...»,
кого-то в памяти любя.
Но нет, я вовсе не с испугом
смотрел на близкую тебя.

И видел я, как мы не схожи,
как небо хмурилось в окне...
Но всё понятней и дороже
твои печали были мне.

Такой ли встречи ты хотела?
Но всё ж разладить не спеши
поэзии мужское дело
с наивной детскостью души.

Когда за стенкой веселятся,
ты в память прячешься свою,
не уставая удивляться
траве, стрекозам и ручью.

И даже, снегом занесенный,
тебе стозвонно лес поёт,
где твой соловушка бессонный
свиданья ждать не устаёт...

1984

* * *

Чем одиночество больней,
тем связей горечь непреложней...
Я в этом доме как заложник
любви рискованной твоей.

О, эта горькая любовь!
Мы ей находим оправданья.
Но наши глупые старанья
для остальных — не в глаз, а в бровь...

Они, конечно, не правы
но всё же, если приглядеться,
нам никуда уже не деться
от незаслуженной молвы.

И никому простить нельзя
всё, что друг другу мы простили,
ведь не напрасно загрузили
твои друзья, мои друзья...

Печальна поздняя любовь.
Мы в ней с тобой неравноправны.
Готовит муку плод отравный...
Но ты судьбе не прекословь.

1984

* * *

Давит сумрак ночной.
Дом чужой нелюдим.
Я устал быть с тобой.
Я устал быть один.

Льется сумрак густой
из-под светлых гардин.
Вот сижу я с тобой,
а как будто — один.

Не уйду я к другой,
накуплю себе вин...
Всё равно я с тобой,
даже если — один.

Ночь пройдет стороной,
и проснусь я — один,
растерявший покой
в алых гроздьях рябин.

1984

ОБЕЩАНИЕ

Все, что есть, я поставлю на карту
и ничуть не раскаюсь потом, —
мы еще посетим в Старом Тарту
этот рай под совиным крылом.

Будут голуби виться под сводом
трехсотлетних шершавых камней,
будет музыка с нашим приходом
здесь потише и чуть погрустней.

Голос вкрадчивый нежно и тонко
пусть нам песню чужую споет,
и всё та же хозяйка-эстонка,
улыбнувшись, — как прежде, нальет...

Здесь печаль твоя в прошлое канет
и уже не вернется назад,
только красные голые камни
пусть о вечности нам говорят.

Будет время лететь — не обидно,
и не стыдно болтать чепуху.
День ли, ночь ли — отсюда не видно,
и не слышно людей наверху...

1984

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Что будет между мною и тобой?..
Какой укор услышать мне придется?
Но всё ещё из ночи снеговой
твоя любовь в мой стылый дом крадется.

И не впустить ее уже нельзя,
и прокляну себя, коль ей открою...
Она глядит мне с улицы в глаза,
глядит в глаза и плачет над собою.

Дверь отворить — замерзнуть навсегда.
Не отворю — так сердце разорвётся.
С каких-то пор твоя любовь — беда?
Так ястреб над своей добычей вьётся.

Мне, как ни странно, некуда уйти.
Везде твоя любовь меня находит.
И вот сижу я снова взаперти,
она ж стоит в окне и глаз не сводит.

Впущу ее — не станет ей теплей,
и нужных слов найти я не сумею.
Но что я значу без любви твоей?
Не лучше ли погибнуть вместе с нею...

1985

* * *

Затем ли мы с тобой нашли
друг друга в поднебесном царстве,
чтоб дни томительно текли
в тоске, обмане и коварстве?
Затем ли нас свела судьба,
чтоб мы не знали счастья оба,
чтоб я познал удел раба,
а ты любви ждала до гроба?..

1985

* * *

Лунный свет, как серебряный дождь,
проникает в окно сквозь гардину.
Унимая знобящую дрожь,
мягкой шалью ты кутаешь спину.

И глаза твои странно блестят,
отражая полночную лунность.
Устремляешь болезненный взгляд
то ли в старость свою, то ли в юность...

Ты сидишь в темноте у окна,
притянув к подбородку колени,
в безответной квартире — одна,
против собственной сжавшейся тени.

Как так вышло, что нет никого,
кто б обнял эти хрупкие плечи?
Не хватает тепла своего,
чтоб забыть о несбывшейся встрече...

А ведь был он, кто милою звал,
кто, еще не виновный в измене,
наяву и во сне целовал
эти руки и эти колени.

Быстро гаснет любовь без любви.
Долго длятся осенние ночи.
Сорок лет — это холод в крови
и прозревшие грустные очи.

И серебряной струйкой луна
протекает к ногам сквозь гардину.
Не уснуть. Ты сидишь у окна,
в шаль пуховую кутая спину.

1986

* * *

Пусть ты во всем права,
а я — ни в чём не прав,
и лгут — мои слова,
и твой прекрасен нрав.
Ругай, кляни меня.
Опять уйду я — в ночь,
туда, где нет огня,
от страшных мыслей прочь.
От счастья, от любви
уйду я навсегда.
Ты больше не зови
меня назад, когда
лишь я ни в чём не прав,
а ты во всем права,
и мой ужасен нрав,
и лгут мои слова.

1987

* * *

Как я тебя не раз прощал,
прости мои грехи.
Прости за то, что посвящал
тебе свои стихи.

Не потому, что всё прошло,
и даже не затем,
что мы храним еще тепло
любви
на злобу всем.

Но оттого, прошу, прости,
что верною строкой
пытался людям донести
усталый голос твой.

И тем трудней меня сейчас
простить, как я прощал,
что строки грустные не раз
тебе я посвящал...

1987

* * *

Миг отчуждения
теперь уж недалёко.
Должны друг другу мы
все худшее простить.
Зачем стремишься ты
так истово, жестоко
больней унижить словом,
отомстить?

Пусть чувство прежнее
уже давно остыло,
пусть память добрая
растает без следа...
За всё хорошее,
что между нами было,
я не отвечу тем же
никогда...

1987

* * *

Не верю, нас не развели.
Но кто-то празднует победу...
Уже я вижу, как вдали
укор идёт за мной по следу.

А за тобой тоска ушла
вослед дорогою иною.
Но что же это столько зла
я слышу за своей спиною?

Зачем ты верила не мне,
но — подлым и ничтожным слухам?
Ведь нам гореть в одном огне
за всё, что сделали друг с другом.

Ведь мы зачем-то сведены
судьбой, придя на землю эту,
не раз друг другом прощены
за всё, чему прощенья нету...

1987

ПРОЩАНИЕ

Чего я ждал? О чём я пел?
Кому всё это нужно было?
...Твоя рука бела, как мел,
глаза в окно глядят уныло.

А там — осенняя пора,
тоскливый праздник увяданья.
И нам с тобой давно пора
сказать хоть что-то на прощанье.

Но как сказать, когда слова
беззвучно застревают в горле?
И оба держимся едва,
чтоб не усилить наше горе.

А за окном, а за окном
холодный ветер небо студит.
Еще чуть-чуть — и этот дом
таким чужим и лишним будет

тебе и мне, когда уйду,
и в темноту рванут колеса...
Я взгляд померкший отведу,
чтоб не прочла ты в нём вопроса.

Ты двери крепче затвори,
стань осторожнее и строже,
молю тебя, не говори:
«Я буду ждать», — не дай-то Боже!

Быть может, все до одного
смогу я вытерпеть страдания,
но нет страшнее ничего
тебе такого ожиданья.

Не жди меня...

13 сентября 1987

* * *

Этой ночью, как перед дуэлью,
не могу уснуть.

Ты какому привороту-зелью
мой подвергла путь?

Ты такой ценой берешь в свой омут,
что не встать с колен...

Отчего же мне, а не другому
этот выпал плен?

Этим утром кто из нас погибнет?

Кто спасенья ждет?

Входишь ты — ни пол, ни дверь не скрипнет.

Так лишь смерть идет.

24 сентября 1987

* * *

В любви невиноватых нет.
С тобой мы оба в ней повинны.
Твой взгляд моим не обогрет,
слова обид не беспричинны.
Связала нас одна вина,
что мы несем друг перед другом,
и на двоих беда одна
на души нам легла недугом.
Уже на свете никуда
от общей той беды не скрыться,
пусть разметают нас года —
она ещё не раз приснится.
Но если чем и скреплены
мы будем в мире этом шатком, —
лишь горькой памятью вины,
что промелькнёт в прозреньё кратком,
как просвист жгучего свинца,
сквозящий меж тобой и мною,
и станет в жизни до конца
нас захлестнувшей петлею.

1987

УХОД

I

Мне время настало уйти.
Прости, дорогая, прости.
Я прошлого не уберёг..
Как тяжек твой каждый упрёк!

И всё-таки я ухожу,
в глаза твои молча гляжу,
не смея лица отвернуть,
собой не оправдан ничуть.

Я кары достоин любой,
расправься как хочешь со мной,
любые швырни мне слова —
и будешь навеки права.

Зачем и куда я уйду? —
Туда, где совсем пропаду?
Навстречу ли новой беде?
Но счастья не будет нигде.

В ночи и в сиянии дня
пусть все позабудут меня.
Во тьме растворюсь навсегда,
дорогу покажет звезда.

II

Прости, дорогая, прости.
И руки мои отпусти.
Я нашей любви не сберёг,
истаяло сердце не в срок.

Я был бы остаться готов,
но властный мне слышится зов...
Меня ты казни иль прости,
я знаю, что должен уйти.

Я знаю — приду я туда,
где блещет ночная вода,
в которой звезда, как цветок...
Там сделал я первый глоток.

Там к небу губами приник,
и в душу там свет мне проник.
Ты видишь — теперь он угас,
и нет уж опоры для нас.

Расстаться настал нам черёд.
Меня неотступно влечёт
найти тот заветный исток,
чтоб сделать последний глоток...

1988

* * *

Голубая кофта, синие глаза...
Сергей Есенин

Пасмурное небо,
тёмная вода.
Я к тебе приеду,
может, навсегда.
Золотые нивы,
синие дожди.
Ты меня увидишь —
скажешь: уходи!

Поселюсь я тихо
на краю села,
где густою тиной
речка заросла.
Буду из окошка
на тебя смотреть.
Знаешь, здесь не страшно
даже помереть.

И скажу однажды,
как бы невзначай:
истопил я печку,
заходи на чай...
Отвернешься гордо
на мои слова.
Серая дорога,
жёлтая трава...

Я же — терпеливый,
я же всё могу.
Под речною ивой
заглушу тоску.
Улетай, кручина,
уплывай, печаль.
Красная рябина,
голубая даль...

Февраль 1989

* * *

Не затем я с тобою прощался,
чтоб опять навсегда уходить,
не затем я назад возвращался,
чтобы снова навек разлюбить.

И никто нам уже не поможет,
и никто среди вселенских забот
два разрубленных сердца не сложит,
от холодных ночей не спасёт.

Между нами — постель, как могила,
непроглядная мгла и метель.
Но влечёт безрассудная сила
в эту пропасть и в эту постель.

Вот стоишь ты у самого края,
ненавидя и грешно любя,
и бездонная пасть ледяная
поглотить уж готова тебя.

И навеки простившись со мною,
ничего не желая простить, —
с головой укрываешься тьмою,
чтоб очнуться и вновь разлюбить...

Февраль 1989

* * *

Чужие мы с тобой, чужие,
уже давно чужие мы.
Глаза бесстрастно-ледяные
погасли в сумерках зимы.

И нет ни радости, ни боли,
что можно было б разделить...
И продолжаем поневоле
шутить, смеяться и грустить.

О, Боже мой, к чему всё это?
Земля уходит из-под ног..
И всё ж не надо нам ответа,
его не слышать дай нам Бог..

Того узла мы не развяжем.
Зачем всё это и к чему —
друг другу мы не перескажем
и не откроем никому.

Февраль 1989

* * *

Мы не начнем с тобою всё сначала,
обида мрак в сердцах перетерпя.
Я не хочу, чтоб ты меня простила,
я не прошу прощенья у тебя.

Себя от мук душевных не спасая
и наш союз навеки прокляня,
не думай, будто женщина другая
сумела у тебя отнять меня.

Принадлежать я никому не стану,
прикованный еще к чужим устам...
И никакому новому обману
свою судьбу на откуп не отдам.

Я пронесу до смерти дань расплаты.
И нам никто не может быть судьёй.
Пусть я один останусь виноватым
за годы те, что прожили с тобой.

1989

* * *

Мы всё с тобой уже сказали
в проклятье этих горьких чувств...
И в мире нет такой печали,
что не касалась наших уст.
Чем удивим ещё друг друга?
Какою новой прямою?
И вряд ли вздрогнем от испуга
за той последнею чертой,
когда, в глаза взглянув угрюмо,
уйдём безропотно во тьму,
где — ни обидных слов, ни шума
и жизнь не в тягость никому...

1990

* * *

Ты ушла, словно в пропасть шагнула.
Чем прельстилась ты снова, скажи?
Ну зачем ты меня обманула
среди всемирной бессмысленной лжи?

Наши руки друг друга любили,
и ласкали друг друга глаза.
Мне не хватит чернобыльской пыли,
чтобы страсть загасить до конца.

Я к тебе приползу на коленях,
чтоб к груди прикоснуться на миг,
на кремлевских источенных стенах
напишу свой измученный стих.

Но смотри, даже ради спасенья
в преисподнем прекрасном огне,
у меня не проси ты прощенья
и не смей возвращаться ко мне.

1990

* * *

И с чувством нежным, и с мечтой
так жаль бывает расставаться...
Мне, видно, задано судьбой —
влюбившись, разочароваться.

Любая радость бытия
грозит душевным омраченьем...
И эта ласковость моя
чревата скорым отчуждением.

Дрожащих пальцев сладкий хруст
и стон любви — неописуем...
Но холод безразличных уст
сквозит за каждым поцелуем.

В чужих глазах, в чужом плену,
за слёзы близкие в ответе,
я всё искал ее одну,
но, может, нет ее на свете.

Иль всё же где-то есть она,
проходит мимо незаметно...
Любовь глубокая — грустна
и слишком часто безответна.

Она, как опиум в крови,
тоску похмельную умножит...
О том, что счастья нет в любви,
скажу лишь я один, быть может.

1995

* * *

Не надо признаваться мне в любви,
не нужно обжигать огнём соблазна,
в моей тоской отравленной крови
горчайший ток пульсирует бесстрастно.

Зачем тебе моих печалей груз?
Ты завтра будь такую же хорошей,
оставь их мне, и краткий наш союз
пусть не томит тебя чужою ношей.

Мы эту легкость чувств должны хранить,
чтоб никогда друг друга ненароком
ни в чём не обмануть, не обвинить
и не обидеть ни одним упреком.

Мне б так хотелось искренней душой
во всём тебе спокойно открываться
и чтоб при встрече мы могли с тобой
не опускать глаза, а улыбаться...

1995

* * *

Если отвергают доброту,
это значит — отвергают Бога.
Я к тебе с раскаяньем приду,
попрошу прощенья у порога.

Я и был и не был виноват,
но теперь мне ясно без сомнений,
что моя вина страшней сто крат
всех твоих ответных обвинений.

То, что нас на горечь обрекло,
навсегда во мне перегорело,
то, что в снах еще не отмерло,
я спасти пытаюсь неумело.

Растворились прошлые мечты,
от ночей бессонных сердце сжалось,
кроме слёз и тихой доброты
ничего в нем больше не осталось.

Не войду я в твой запретный дом.
Кто-то здесь желанней и нужнее.
Попрошу я только об одном:
к доброте немного стать добрее.

Знаю, расслабляться нам нельзя,
жизнь твоя другим огнём согрета.
И лишь мельком детские глаза
глянут на меня в полоске света...

1998

ПОСВЯЩЕНИЕ

Т. Г.

В этом мире с самими собою
ты оставила нас и ушла.
Пред твоей непокорной судьбою
меркнут наши слова и дела.

Но ещё до сих пор не забылось,
не померкло, не скрылось во мгле
то, что было и то, что случилось
между мной и тобой на земле.

Тихо к Богу душа отлетела.
Нас не свяжет с тобою уже
то, что было и то, что сгорело,
горький пепел оставив в душе.

Но ещё до сих пор не остыло
и трепещет, стуча, у виска
всё, что было меж нами, что было, —
и любовь, и печаль, и тоска...

2001

* * *

В мой дом пришла зима.
Надолго ль, навсегда ль?
В окне — немая тьма,
а в комнате — печаль.

А в комнате — метель
и холод ледяной,
и снежная постель,
как саван гробовой.

Уже ничьим теплом
не обогреть лица.
Зима пришла в мой дом,
которой нет конца.

Открыта настежь дверь,
и ветер из окна.
Наверное, теперь
она — моя жена.

И пусть во мгле кружит
земная круговерть,
но нас не различит
ни женщина, ни смерть.

2001

* * *

Кончается август, и новая грусть
врывается в сердце, как прежде.
Привычной тоски я уже не боюсь
и больше не верю надежде.

В квартире холодной тоска прижилась,
пригрелась, как пёс шелудивый,
с надеждой обманной оборвана связь,
как с бывшей любовницей лживой.

Всё сказано мною, что надо сказать,
все чувства исторгнуты миру.
Безмолвная ночь и пустая кровать
лелеют остывшую лиру.

Промчавшейся жизни иссякло вино,
и горечь его не измерить.
Кончается август — лишь в это одно
на свете осталось поверить.

2002

* * *

Ты позвонила, чтоб сказать «люблю»,
увы, не мне сказала — февралю,
просторам снежным, звёздам, небесам...
В иной удел не верил я и сам.

Прости, давно обвенчан я с зимой,
она живет и день, и ночь со мной.
И снег, и ледяные небеса
давно в мои просыпались глаза.

И всё же я тебя ревную к ней,
к нерасторжимой суженой моей,
к просторам снежным, звёздам, небесам...
И что нам делать — я не знаю сам.

2003

* * *

Т. Г.

Мы больше не встретимся, даже случайно.
Свела нас когда-то печальная тайна.
Жестокая тайна потом развела.
И тихо навеки ты с нею ушла.

Но сердце мое ничего не забудет,
и что-то, возможно, небывшее будет,
когда нас простит всеобъемлющий рай,
ведь мы не сказали друг другу «прощай»...

2001 — 2006

* * *

Ты сам себя обрёл на одиночество,
решив, что так спокойнее и проще.
И сердцу полюбить уже не хочется,
как соловья услышать в зимней роще.

Остыло сердце, и уже не верится,
что груз годов окажется химерой,
что впереди ещё тебе отмерится
любвонной муки самой полной мерой.

В морозной дымке полуночной лунности
судьбе за всё останься благодарен.
Коль не сберег свою любовь ты в юности, —
не будешь ею в старости одарен.

2008

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

2008

* * *

Сентябрьское Черное море,
элитно-курортный сезон.
У бронзовых пляжниц во взоре
общенья тягучий резон.
Кипящие пенные волны,
бурляще-веселый прибой.
Рискованной радости полный,
стою над бодрящей водой.
И слышу далекие звуки
осенней балтийской волны,
когда накануне разлуки
мы были судьбой сведены.
Когда незабвенно-мгновенно
истаял наш сказочный срок...
И вот черноморская пена
ласкается нежно у ног.
У бронзовых пляжниц во взоре
разлито хмельное тепло...
Ах, самое синее море,
куда ты меня
завело?..

2009, Геленджик

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землей вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
ее глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отраженные в стекле.
И всё еще летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

2010

* * *

Блестит закатный окоём,
как на восходе...
В окне светлее с каждым днем.
Зима уходит.
Ей расставанье тяжело,
как умиранье.
И взгляд ее заволкло
слезы мерцанье.

Поплачь, зима, нам не дано
любить друг друга,
хоть и венчали нас давно
мороз да вьюга.
Хоть и не знаю никого,
кто стал бы ближе...
Обрывы сердца моего
легко предвижу.

Поплачь, зима, и уходи.
Не жди ответа.
И сны мои не бери
в соблазнах лета.
С собой, не надо, не зови.
Наш срок отмерен...
Тебе я даже без любви
останусь верен.

2010

* * *

Любовь несчастная моя...
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И всё ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
Себе внушал я, говоря: —
Не жди признанья.
Ты отдаешь себя зазря
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые...»

Моя несчастная любовь...
Любовь к России.

2010

* * *

В летнем лесу аромат и прохлада,
лиственный свет.
Милая, думать о прошлом не надо,
прошлого нет.

В летнем лесу соловьиное пенье,
стрёкот дроздов.
Милая, нежного сердца волнение
слышно без слов.

В летнем лесу даже воздух недвижим.
День не угас.
Милая, всё, что мы видим и слышим,
только для нас.

В летнем лесу провиденьем природы
мы сведены.
Милая, прошлые мёртвые годы
нам не страшны.

2011

* * *

И в ноябре бывает солнце!
Как исцеленье хмурым дням...
Из туч сквозь узкое оконце
его лучи пробились к нам,
затрепетали, заискрились
на не сорвавшемся листе,
на льдистых лужах отразились,
на белой гладкой бересте,
в глазах прохожей незнакомки,
на улыбнувшихся губах...
И в набегающей позёмке
я не спешу ускорить шаг..

2011

* * *

Ты была или только приснилась —
воплощенье земной красоты?..
Как небесная высшая милость,
как сиянье безумной мечты.

Идеал и восторг совершенства...
Ненасытных ночей благодать...
Нет на свете прекрасней блаженства,
чем тобой, хоть на миг, обладать.

Ты явилась в короне всевластья
и растаяла, словно туман,
лишь остался дыханием счастья
на губах этот сладкий обман.

Ни забыть невозможно, ни вспомнить
без тоски этот сон, этот май...
И никем, и ничем не восполнить
безвозвратно потерянный рай...

2012

СИРЕНЬ

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истает
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

2012

* * *

Осыпался жасмин и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...
Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..
Мы со своей весной расстались насовсем...
Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

2012

* * *

Пришла, взглянула и сразила,
вонзилась в сердце, как игла.
Не мог понять я, что за сила
в плен безрассудный забрала.

Тот плен был чудом невозможным
(тот сладкий, тонкий, райский сон),
обманным, хрупким, безнадёжным,
каким в любви нисходит он.

Я знал, что этот сон растает,
что я один останусь вновь.
Любовь счастливой не бывает.
Иначе это не любовь.

2012

* * *

Не жалея ты листья, не жалея...

Н. Рубцов

Пусть на деревьях редееет листва.
Листья жалеть ни к чему.
Больно бросать золотые слова
в сонную мёртвую тьму.

Был я весёлым, красивым, шальным,
сильным и щедрым в любви.
Смелость вела по дорогам крутым,
страсть бушевала в крови.

Ясность живую глаза сберегли.
Сердце сумело остыть.
Те, кто любили меня, не могли
блеск этих глаз позабыть.

Лягут слова золотые под спуд,
чтоб не вернуться ко мне.
Те, кто любили меня, не дадут
им потеряться во тьме.

2012

* * *

Отцвели и сирень, и каштаны,
занялись грозные дожди...
Ты сегодня проснулась так рано
с головой у меня на груди.

Ты шептала: «Послушай, послушай...
Просыпайся, очнись наконец...
Вот уж час, как мне мучает душу
этот неугомонный стервец...»

И совсем не уставшая вроде,
ты ласкалась нежней и сильней...
В близком парке всю колобродил
звонкий лирник, свистун-соловей.

В чудных звуках волшебной свирели
мир притих за открытым окном.
Под любовные, сладкие трели
мы забылись, объятые сном.

Ах, как быстро сирень и каштаны
отцвели... И вернулись дожди.
И прохладой дышали туманы,
и осталась весна позади...

2013

* * *

Зацвёл чубушник — молодой жасмин.
И сожалеть о прошлом нет причин.
Оно шумело, пело и цвело,
оно иную жизнь себе нашло.
В той жизни мы красивы, веселы,
мечты и мысли всё ещё светлы...

Цветёт чубушник... Сладкий аромат
заполнил сад и растревожил взгляд,
и я увидел ближе и ясней
ту белизну черёмуховых дней,
тот неумелый, первый, озорной
наш поцелуй под ласковой листвой...

Совсем немного летних дней пройдёт,
жасмин душистым снегом опадёт,
и, недвижимы, сонны и легки,
уйдут в иные сферы лепестки.
Там ничему былому не истлеть.
Не надо нам о прошлом сожалеть.

Цветёт жасмин, и облетает цвет...
Изменчив мир в движении планет.
Текут столетья, и бежит река.
Жизнь коротка и вечна у цветка.
Всё повторится в волнах новизны,
моим вискам добавив белизны...

2013

* * *

Нас тоже на свете любили...
Два царских подарка мне были.

Два имени связаны с ними,
душою навечно хранимы.

Два самых заветных подарка,
под солнцем сияющих ярко.

Две шумно зовущих стихии
в сердечной моей ностальгии.

Как два неизбежных свиданья,
как два неразрывных названья...

Балтийское море — Татьяна
и Чёрное море — Оксана.

2013

* * *

Как ни грустно говорить об этом,
в снах растаял *белых яблонь дым*.
Юноша, мечтавший стать поэтом,
стал уставшим, хмурым и седым.

Было всё: любовь и ласки женщин,
хоть ни с кем покоя не обрёл,
только с Божьим Промыслом, не меньше,
сто смертей и бед переборол.

И весной шестьдесят восьмью —
отпускаю то, что не сбылось.
Я теперь живу мечтой другою,
шелестя остатками волос.

Невозможно той мечте не сбыться —
я, как прежде, стану молодым,
и опять, конечно, мне приснится
этот нежный *белых яблонь дым*...

2016

* * *

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.

И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе — тишина.

Но как прежде, как прежде, грустят обо мне
уходящие вдаль поезда
и белёсое облако в тёмном окне,
и манящая эта звезда...

2016

* * *

Когда со мной наедине
в ночной усталой тишине
лиц проплывают очертанья, —
спешат ко мне воспоминанья.

Моих любимых голоса
зовут меня из дальней дали,
я вижу, полные печали,
большие чёрные глаза...

И каждый свой неверный шаг
как будто снова совершаю,
и горьких слов сырой сквозняк
опять всей кожей ощущаю.

Душевной музыки разлад,
и безнадежных слёз обряд,
навек прощанье и прощенье...

И матери я вижу взгляд
в моём зеркальном отраженье...

2016

* * *

А сирень всё равно расцвела,
несмотря на студёные ночи.
Жизнь легко нас с тобой развела,
но свести почему-то — не хочет.

Почему-то весна — холодна.
Почему-то на сердце — усталость.
А сирень под карнизом окна
так цветёт, что обид не осталось.

То ль уйти не желает зима,
то ли к нам не торопится лето...
Наших суетных дней кутерьма
светом первых свиданий согрета.

Пусть за днём истончается день,
и ничто нашей встречи не прочит...
Но в холодные майские ночи
дышит сладкой истомой сирень...

2017

* * *

Ты пишешь мне: «Всегда твоя» —
привычно и неосторожно.
В тисках земного бытия,
мы знаем, это невозможно.

Мы знаем, в бренности земной,
здесь, где бессмертно только Слово,
ты не моя и я не твой,
как ни хотели б мы иного.

Судьбу не изменить уже.
Но скоро, слившись, точно реки,
одна душа в другой душе
поймут без слов — теперь навеки...

2017

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома...
И терпкое вино за столиком в углу..
— Как странно, до сих пор я с вами не знакома, —
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу..

Как странно... Было всё необычайно странно...
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ...
— Нам будет нелегко, — я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...

2017

* * *

Дышат снегом тучи низкие,
мглой скрывая даль и высь.
Две дороги наши близкие
вместе шли и разошлись.

Шар земной спокойно вертится...
Мчатся порознь два авто...
Нам в пути никто не встретится
и не нужен нам никто.

Наши судьбы разделённые
не сведём ни я, ни ты,
как навеки разведённые
петербургские мосты...

20 марта 2018

СОДЕРЖАНИЕ

«Разлуки лёд. Октябрь. Сухие листья...»	3
«Ты во мне поселилась, милая...»	4
«Мне на голову звёзды падают...»	5
Наша встреча	6
Бесчувственный	7
Неуважение	9
«Плывут, как письма, облака...»	11
«Опять меня ты чем-то сладким потчуеть...»	12
Первые цветы	13
Я видел сон	14
Кинотеатры	15
Август	16
«Я хотел позабыть наши дни...»	17
В дороге	18
Воспоминания	19
«Ночь тяжела обидами...»	20
Всё равно	21
«Словно забывшись во сне бесконечном...»	22
Благодарю	23
«В любви неправедной, нестрогой...»	24
«Напряжена душевная струна...»	25
На свадьбе	26
«Мне суждено в порыве дерзком...»	28
Надрыв	29
«...Я ждал какой-то необычности...»	30
«Не жди меня. Я не вернусь...»	31
«...Ты и она. Неверно и несмело...»	32
«Не пойму, что случилось...»	33
«Вход со двора. В полуподвале...»	34
Ожидание	35
«Милая моя девочка...»	36
«Забыв вчерашнюю вражду...»	37
Расплата	38
Единство	39
Пустая комната	41
«Как грустно мне, когда луна...»	42
«Солгать в глаза — не стоит ни гроша...»	43

Сон	44
Моя любовь	45
«... Не погубить себя во зле...»	47
«Мальчишка, ты бросишь свой обруч гонять...»	48
«Была любовь, как сон случайна...»	49
Холод	50
«Красавица, признайся, ты откуда?...»	51
Ночь	52
Объятие	53
«Я никого так долго не лелеял...»	54
Романс	55
«Мы тонем в глазах друг у друга...»	56
«Я песня — ты не слушаешь ее...»	57
«Меня любить — несносно, право...»	58
«Нельзя ни с болью, ни с тоскою...»	59
«Не ведаю — что было. Приснилось — не иначе...»	60
Солнечный берег	61
«О женщина! Сильны ее причуды...»	63
Разрыв	64
Мгновения любви	65
«Странная примета...»	67
«Невинна прелесть женских глаз...»	68
«Ну что ж, ты меня оттолкнула...»	69
Ответ	70
«Чем одиночество больней...»	71
«Давит сумрак ночной...»	72
Обещание	73
Твоя любовь	74
«Затем ли мы с тобой нашли...»	75
«Лунный свет, как серебряный дождь...»	76
«Пусть ты во всем права...»	77
«Как я тебя не раз прощал...»	78
«Миг отчуждения теперь уж недалёко...»	79
«Не верю, нас не развели...»	80
Прощанье	81
«Этой ночью, как перед дуэлью...»	83
«В любви невиноватых нет...»	84
Уход	85
«Пасмурное небо, тёмная вода...»	87
«Не затем я с тобою прощался...»	89
«Чужие мы с тобой, чужие...»	90
«Мы не начнем с тобою всё сначала...»	91
«Мы всё с тобой уже сказали...»	92

«Ты ушла, словно в пропасть шагнула...»	93
«И с чувством нежным, и с мечтой...»	94
«Не надо признаваться мне в любви...»	95
«Если отвергают доброту...»	96
Посвящение	97
«В мой дом пришла зима...»	98
«Кончается август, и новая грусть...»	99
«Ты позвонила, чтоб сказать «люблю»...»	100
«Мы больше не встретимся, даже случайно...»	101
«Ты сам себя обрёл на одиночество...»	102
«Жёлтые бабочки в сером окне...»	103
«Сентябрьское Чёрное море...»	104
«Судьба нас всех по кругу гонит...»	105
«Блестит закатный окоём...»	106
«Любовь несчастная моя...»	107
«В летнем лесу аромат и прохлада...»	108
«И в ноябре бывает солнце!...»	109
«Ты была или только приснилась...»	110
Сирень	111
«Осыпался жасмин и лето поседело...»	112
«Пришла, взглянула и сразила...»	113
«Пусть на деревьях редет листва...»	114
«Отцвели и сирень, и каштаны...»	115
«Зацвёл чубушник — молодой жасмин...»	116
«Нас тоже на свете любили...»	117
«Как ни грустно говорить об этом...»	118
«Одинокое облако в небе ночном...»	119
«Когда со мной наедине...»	120
«А сирень всё равно расцвела...»	121
«Ты пишешь мне: «Всегда твоя»...»	122
Последняя любовь	123
«Дышат снегом тучи низкие...»	124

Хатюшин Валерий Васильевич

НАПРЯЖЕНА ДУШЕВНАЯ СТРУНА...

Любовная лирика